

Евгений Вальс

6+

СКАЗКИ
ЖИВУТ РЯДОМ

Евгений Вальс

Сказки живут рядом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62457543

SelfPub; 2020

Аннотация

В сборнике представлены притчи и сказки для подростковой и взрослой аудитории. Нарисованный на стекле чертёнок верит в чудеса, виноградная улитка мечтает о далёких мирах, а луковка гиацинта боится цвести. Раненого сокола курицы обращают в свою веру, а снежинка отказывается от любви ради высшего предназначения. Протей познаёт относительность добра и зла, а призрак электрика выслушивает от куска торта нелюбезную правду о себе...

ВОДЯНАЯ ЭОЛКА И СУХОПУТНЫЙ МОЛЛЮСК

В один из дней, когда зима окончательно уступила трон весне, благодетельное солнце начало пригревать землю. Из влажных убежищ вылезли три улитки. Изнеможённые долгой спячкой они с жадностью набросились на молодые зелёные листочки. За шесть месяцев, проведённых под землёй, улитки думали только о любимом лакомстве, и казалось, что в жизни их волнует лишь еда. Вдруг они услышали пронзительный смех, идущий откуда-то снизу. Ветвь под их тяжестью опустилась к лёгким прибрежным волнам. Улитки, свесив свои мордочки с листьев, увидели красноватое тельце водного моллюска – эолки.

– Ну, вы и обжоры! – продолжала смеяться маленькая эолка. – Я давно за вами наблюдаю, и не смогла сдержаться!

– Твоё счастье, что у нас нет жабр, а то прыгнули бы в воду и сожрали бы тебя вместе с твоими водорослями! – грозно крикнула ей в ответ самая толстая улитка с почти шаровидной раковиной.

Смех вмиг прекратился. Три прожорливых моллюска переползли на другую ветку и продолжили трапезу.

– А я слышал от прабабушки, что у наших предков были жабры, – неожиданно сказал молодой моллюск двигавшийся быстрее остальных.

– Сказки, которые рассказывают обезумевшие старухи, – проворчала толстая улитка. – Ешь, а то твоя раковина оста-

нется тощей.

– Я заметил, что ваши тяжёлые раковины не позволяют вам поспевать за мной, – осторожно возразил молодой моллюск.

– Не смотри по сторонам, дружок, вокруг только листва, которую ты должен съесть, – меланхолично поддержала третья улитка свою толстую подругу.

Молодой моллюск умолк, сдерживая незнакомое до сегодняшнего дня возмущение. День клонился к вечеру, и улитки устроились на отдых под большим пучком тенистых листьев.

– О чём задумался? – услышал молодой моллюск меланхоличный голос одной из своих спутниц. Её раковина представляла спиральный завиток, но отличалась бледностью и тусклостью.

– Не могу забыть смех эолки.

– Мы объели там листву и больше не вернёмся. Лучше подумай о своей раковине, она действительно очень тонкая, а ведь это всё, что у тебя есть.

– У меня есть ещё кое-что, – прошептал моллюск. – У меня появилась мечта...

Его слов никто не слышал, чему он был даже рад. Улитки не запоминали своих тропинок и вскоре приползли туда, где их осмеяла эолка. Только молодой моллюск сразу признал эту ветвь и сознательно отстал от двух спутниц. Он долго смотрел вниз, свесив мордочку с объединенного листа, и крас-

новатое тельце показалось среди водорослей.

– Эолка! – позвал он её.

– Ты хочешь, чтоб я извинилась? – усмехнулась она.

– Нет, я хочу сказать тебе спасибо.

– Удивил...

Красноватое тельце, усаженное бахромчатыми кустиками, завораживало своими движениями, и молодой моллюск замер, наблюдая за эолкой. Она наверняка знала о чарующей силе своих ветвистых отростков и не мешала ему любоваться собою.

– Я признаю, что ошибалась, – вдруг сказала она, – не все улитки обжоры, ты – исключение... Ты особенный.

Моллюск просиял от её слов, но по-прежнему ничего не мог выговорить.

– Ты ждал моего появления только для того, чтобы сказать своё странное «спасибо»?

– Странное?

– Да. За что спасибо?

– Я... начал мечтать... Я представил, что могу оставить свою раковину здесь и прыгнуть в тёплую воду! У меня ведь могли сохраниться жабры от предков? Я представил, как было бы здорово плавать среди водорослей с тобой! Ты такая свободная и быстрая!

– Ну, может и не такая быстрая..., и вокруг меня не только водоросли, – с интересом наблюдая за моллюском, ответила эолка.

– Вот именно! И я догадываюсь, что за листвою есть нечто большее! Как в твоём водоёме.

– Там огромный, удивительный мир! – подхватила она.

– Который мы не можем увидеть, медленно ползая и глядя на него из раковины, – грустно закончил молодой моллюск.

Он вновь залюбовался её плавными движениями, а эолка, недолго думая, предложила:

– Хочешь, я при каждой нашей встрече буду рассказывать о мире, окружающем меня?

– Лучшего слушателя тебе не найти, – обрадовался моллюск.

С тех пор он каждый день приползал сюда и подолгу разговаривал с эолкой. Появление её красноватого тельца наполняло его радостью. Он забывал о своей раковине и прожорливых спутницах. Перед ним открылся мир полный секретов и удивительных животных.

Однажды, когда он долго любовался бабочкой, толстая улитка едва не скинула его с листа.

– Вернись к нормальной жизни, или я сброшу тебя к ветвистой слизнявке! – толкнув его хрупкий домик своим, пригрозила она. – На тебя страшно смотреть, скоро ты выпадешь из своей раковины!

– Мы старше и заботимся о тебе, – более мягко, но в прежней меланхоличной манере добавила бледная улитка.

– Если вы не оставите меня в покое, я сам брошусь в воду! – нашёл в себе силы на опасный протест молодой мол-

люск.

На этот раз засмеялась толстая улитка:

– И на какие чудеса ты надеешься? Поверил, что у тебя вдруг откроются жабры далёких предков?!

Скромно захихикала даже меланхоличная улитка, от чего молодой моллюск готов был вновь спрятаться не только в раковину, но и в глубокую норку, где переждал зимние холода. Неожиданно в голове зазвучали слова эолки: «Ты особенный, ты исключение». Эти слова придали ему сил, и моллюск стойко выдержал насмешку двух улиток.

«Старшие» устроили ему бойкот и не разговаривали два дня, но «младшего» не волновало: у него была эолка!

– Ты моё спасение! – сказал он при встрече. – И, хотя раковина мешает мне, я начал замечать не только бабочек и росу на листве! Без наших встреч, я превратился бы в жирную безразличную ко всему улитку!

– ... Наши встречи стали важной частью и моего существования...

Моллюск вдруг заметил, что она говорит с еле уловимой грустью.

– Ты чем-то огорчена? – поинтересовался он.

– Не знаю, как сказать... Мы больше не увидимся...

– Нет! Я правильно расслышал?!

– Мы больше не увидимся, – еле слышно произнесла эолка.

Она рассказала, что эолкам её рода не нравятся их встре-

чи. Они привыкли воспринимать сухопутных моллюсков как ограниченных и прожорливых, и не о каких исключениях слышать не желают. Если она не прекратит встречи с ним, то будет изгнана за территорию, занимаемую её родом.

– Мы с тобой знаем, что мир огромен, и я не боюсь изгнания, но я не могу расстаться с тобой! – закончила свой рассказ эолка. – Мне дали час на раздумье...

Повеяло холодом, и в один миг небо стало чёрным, словно гигантская раковина накрыла округу. Моллюски от природы не плачут, но вместо них заплакала сама природа. Холодные струи воды пронзили воздух. Ветер топил слова в бесконечных волнах и разбивал о ветви и листву, но моллюски смотрели друг на друга, не боясь стихии. И вдруг с неба посыпались ледяные камни. Все поспешили укрыться в убежищах, и только два живых существа оставались невозмутимы. Град настиг и меланхоличную, и толстую спутниц молодого моллюска. Домик не спас их от беды! Ледяные камни разогнали эолок, ожидавших решения «отступницы». Только два моллюска, продолжавшие смотреть друг на друга, были готовы встретить смерть без страха.

– Я не покину границ нашего рода, но и не останусь здесь, как хотят они, – крикнула эолка. – Я выйду к тебе на берег!

– Нет, я сейчас спрыгну к тебе!

– Не смей, ты погибнешь!

Равнодушная градина ударила в раковину молодого моллюска и разбила её на мелкие осколки. Эолка замерла от ужа-

са.

– Ну, вот, выбор сделан за нас! – очнувшись от удара, воскликнул моллюск. – Если у меня не сохранились жабры от далеких предков, то у меня будет хотя бы несколько счастливых секунд, чтобы почувствовать твой мир своим телом!

Моллюск без страха и отчаяния бросился вниз к своей эолке. Он не боялся смерти – ведь теперь он свободен! Водная стихия приняла его как давно потерянное дитя. Однако несколько секунд обещанного счастья не сменились мраком и вечным покоем. Случилось чудо, у него открылись крохотные жабры, а тело удлинилось. Моллюск взмахнул боковыми выростами словно крыльями и устремился на перегонки с эолкой через заросли водорослей.

КУРИЦЫ И ПТИЦЫ

Беспринципная непогода поглощала краски, и серое небо становилось тяжёлым и тесным. В дождь каждый взмах крыльев даётся с большим трудом, и необъяснимая боль пронзает тело. Зачем лететь к облакам, которые только с виду кажутся мягкими, как перины? Они не готовы дать приют, они рассеются, едва ты подлетишь к ним! А внизу есть твёрдая земля – она всегда под тобою, как искушение. Она даст покой твоим крыльям. Но может их и отнять! Сокол не помнил, кто сказал ему эти слова, однако выяснить их истинность не решался. Он даже не понимал, как перед ним вообще мог

встать выбор: остаться в небе или опуститься на землю, но выстрел, подобный молнии, решил за него!

Когда он летал над зеркальными озёрами и любовался своим отражением, но даже брызги от лёгких волн никогда не касались его. А сейчас в головокружительном хороводе пронесли деревья, дома, скотные дворы, и сокол упал в глубокое корыто с водой.

– Эй, дурень, выбирайся поскорее! – вдруг прохрипел кто-то сквозь шум дождя.

– У тебя не будет шансов, если чан наполнится, – добавил чей-то сиплый голос.

Превозмогая боль перебитого крыла, сокол перевалился через край.

– Ты погляди на эту птицу – какая она беспомощная и тощая! – уставился на него серый гусь, хрипевший так, словно хотел прокашляться, – и что на птиц заглядывается цесарка?

– Она же убогая, ей можно, – вытянула свою длинную шею белая гусыня, – она ведь считает себя «птицей»!

Хрипло-сиплый смех напугал сокола, от чего он в напряжении склонил голову под струями дождя, думая только о том, где бы скрыться от непогоды. Но гуси не спешили ему помочь, они как будто наслаждались окружающей сыростью. Они получали удовольствие, шлёпая перепончатыми лапами по грязи и вытягивая клювы навстречу холодным струям!

– Что вы делаете? – изумился сокол, – не лучше ли нам найти какое-то укрытие от дождя?

Гуси вдруг пренебрежительно зашипели на него и, уходя, бросили напоследок:

– Что ты знаешь о жизни, птица...?

Сокол не смог им ответить: холодная дрожь сковала движения. Он упал на мокрую чёрную землю. Когда глаза застелила белая пелена, его долгий сон наполнили страшные видения о птицах, чьи крылья уменьшаются с каждым новым взмахом. Среди них сокол видел себя, его крылья тоже стали крохотными, и темнота внизу раскрыла для него свои объёмы.

Боль вырвала его из сна. Открыв глаза, он не увидел залитого дождём скотного двора. Вокруг было уютно и тепло. Каким-то чудом сокол оказался в стоге сена.

– О, вижу, наш гость проснулся! – прогнал последнюю дремоту весёлый голосок.

Рыжая курица с огромным гребнем, волной спадающим на глаз, внезапно возникла перед ним:

– Вы, наверняка, голодны, но я не знаю ваших предпочтений, – сказала она удивлённому гостю.

От смущения её гребень стал пунцовым.

– Я польщён вашей заботой, – пробормотал сокол спросонок, – а что предпочитаете вы?

– О, я не прихотлива, подбираю, что могу склевать.

Курица не думала предлагать ему следовать её примеру, а позвала до курятника, где всегда есть отборное зерно.

На залитом солнцем пространстве, в окружении невысо-

ких тополей, сокол увидел множество пёстрых куриц. Они быстро собирали клювами что-то с земли, разрывая её лапами. Курицы походили друг на друга. Исключением был тот, чей чёрный с зелёным отливом хвост возвышался над их спинами.

– Ты должен сделать всё, чтобы ему понравиться, – указывая на петуха, сказала рыжая подружка сокола.

Их появление заставило обитателей курятника отвлечься от своего занятия. Куры перестали клевать зерно и расступились, открывая петуху вид на гостя. Соколу он показался гигантом! В каждом его шаге чувствовалась огромная уверенность в себе, мощный клюв наверняка мог превратить в пыль самый крепкий камень, а шпоры на лапах внушали угрозу любому, кто ему не понравится. Свысока петух посмотрел на сокола и спросил:

– Ты ищешь здесь приют, чужак? Кто ты?

– Я, – смутился сокол, – я кузен цесарки...

– Никогда не слышал о её кузене. Чем ты можешь быть нам полезен?

Гость не готовился к такому расспросу. Сокол хотел бы сейчас улететь, но перебитое крыло лишилось сил и тащилось за ним.

– Мне повторить вопрос? – с угрозой в голосе произнёс петух, – чем ты...

– Лучше убейте чужака, будет более гуманно, чем оставлять здесь, – внезапно прервала его слова чёрная в белую

крапинку курица.

– Убогой слова не давали! – в один голос закудахтали куры. – Умолкни! Умолкни!

– Вы же хотели знать, чем он может быть полезен, – с вызовом бросила цесарка с поленницы, – он избавит вас от мышей и крыс. Мой кузен – отличный крысолов!

– Это правда? – петух окинул чужака скептическим взглядом.

– Д...а, да, – неуверенно ответил сокол.

– Ну что же, у тебя будет возможность доказать свою полезность...

Вечером сокол с позволения петуха вошёл в курятник. Для подтверждения слов цесарки ему не понадобилось много времени. Крыса вылезла из норы, не дожидаясь ночи, и сразу была схвачена острыми когтями сокола. С тех пор для гостя всегда находилось место на насесте рядом с курами. Его окружило тепло, безопасность и сытная жизнь. Единственное, что его беспокоило – он так и не смог отблагодарить цесарку за помощь. Она как будто избегала общения с «кузеном» и очень редко ночевала в курятнике.

– Расскажи, где пропадает цесарка, – однажды попросил он свою рыжую подругу.

– Зачем ты спрашиваешь о ней? Она же ненормальная!

– Она мне такой не показалась.

– Ты просто не слышал всего, что она говорит. Она называет себя птицей! Представляешь? Цесарка уверяет, что ко-

гда-то летала!

– А что в этом странного? Разве птицы не летают?

– В том-то и дело, что летают Птицы, а не мы. Мы станем Птицами, когда нас призовут Боги!

– Ничего не понимаю... До того, как попасть к вам в курятник, я тоже летал!

– Что!? Что ты говоришь? – испуганно отстранилась от него курица. – Видимо, чужаки все ненормальные...

Она поспешила присоединиться к остальным. Сокол пребывал в полном недоумении до тех пор, пока не увидел знакомую пару гусей.

– Эй, любители дождя! Вы помните, что сказали мне, когда впервые увидели?

– А тебе зачем? У «птиц» плохая память? – отозвался гусь.

– Значит, вы признаёте, что я – птица? – с надеждой спросил сокол.

– Мы все здесь птицы, только не нужно говорить об этом вслух!

– Но почему?

– Потому, что не всем дано летать!

Гуси вновь зашипели на него, но уже гневно, и качающейся походкой направились к длинному корыту с водой. Сокол окинул взглядом птичий двор, и ему вдруг стало жалко тех, кто приютил его в курятнике. Его желание поговорить с цесаркой заметно ослабло и на какое-то время почти исчезло.

Соколу стали приятны похвалы петуха за каждую пойманную мышь или крысу, он даже ждал их, демонстративно не съедая добычу до тех пор, пока хозяин курятника не увидит. Благодарное кудахтанье и восхищённые взгляды кур за спасение кладки превращались в бальзам для его души. Сокола охватило спокойствие новые ощущения. Чувство нужности и единения с курами было тем, что он никогда не испытывал, рассекая крыльями воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.